

Свой своему

Дан Берг

18+

Дан Берг Свой своему

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66302708

SelfPub; 2021

Аннотация

События повести происходили два века тому назад. Просвещенные европейские евреи смеялись над своими восточными соплеменниками, простыми хасидами. Но случилась общая беда, и солидарность сплотила противников.

Дан Берг

Свой своему

Две жемчужины

1

Должные дни траура по усопшему истекли, и Маргалит, новоиспеченная молодая вдова, осушила кружевным платком последние слезы. Минула неминуемая скорбь, и в душах Авиغدора и Двора, отца и матери Маргалит, поселилась родительская боль. Три года тянулся холодный неуспешный брак, и, слава богу, не остались сироты.

Авигдор родился и живет в украинском городе Божине, куда предки его пришли из Германии. Интерес к далекой стране никогда не угасал в отцовском сердце и передался дочерям и сыновьям. Да и дела у него с тамошними состоятельными евреями. Авигдор разбогател скупкой и продажей пшеницы, заготовкой и сплавом леса и другими достойными занятиями. Двадцатилетним он женился по влечению сердца, и нежная Двора обожала желанного супруга. Хорошее приданое расширило горизонты молодой четы.

Год за годом жизнь шла в гору, однако, замешкавшаяся

было справедливость спохватилась и затенила свет благоденствия. “Бедняжка Маргалит, отчего не выпало ей счастье, как матери ее?” – думала Двора. И отца мысли в том же роде. Справедливость не радуется, если мстит.

Хасид Авигдор смолоду привержен раби Айзику, любит цадика, но говорит, что головы не теряет и знает меру. Дочери несчастливый брак меру эту урезал.

Как известно, у евреев так ведется: лишь тот дом в почете, где есть настоящий знаток торы. Ученость превышает богатства, а превышает учености – ученость с богатством вместе. Божинский делец признавал, что книги прихода и расхода потеснили святыя книги в его голове. То есть, невеждой он вовсе не был и на зависть многим умел украсить речь ярким словом из святого писания, да притом всегда кстати. И хоть этого мало для величия, Авигдор ни за что бы не променял любовь к красавице Дворе и романтику коммерции на сладость неустанного бдения над фолиантами. Лишь упрекал себя: ведь истый хасид вперед бога любит, а уж потом – жену, детей и барыш.

Чтоб добавить значительности почтенному дому, необходимо ввести в него истинного талмудиста, подлинного охотника до мелких буковок. Цадик раби Айзик присоветовал Авигдору жениха для Маргалит. Парень из бедной семьи,

светлая голова, рекомендации раввинов, читает и пишет и при солнце и при луне, молитвой и учением живет.

Жених не нравился Дворе, Авигдор сомневался, Маргалит загодя плакала, но раби Айзик – настойчивый сват. Но-вобрачный, уроженец Вильно, не водился прежде с хасидами, наоборот, числился меж литовских хасидоборцев. Но бедняку не пристало высокомерничать и испытывать удачу. А Авигдор что возразит, коли сам цадик благословляет? “Все мы евреи, и не гоже своим своего чураться!” – сказал раби.

2

Авигдор направляется к цадику. Побеседовать, сердце облегчить. Рассказать, что дочка в большой печали, что безвременно отлетела к небесам ученая душа чахлого ее мужа-талмудиста. Да неужто раби не знает бед своего хасида? Знает! Напомнить, однако, не грех, авось угадает скрытый упрек.

Зима, оттепель. Грязные ручьи стекаются в лужи. Черные бурлящие потоки несут куриные головы и лапы, рыбью чешую, яичную скорлупу, селедочные хвосты и прочие свидетельства нерадивости божинской общины. Обнажившиеся острые камни развороченной мостовой грозят благополучию сапог. Авигдор переступает через оттаявшие трупы кошек, брезгливо морщится. “Кому вперед жертвовать? Общи-

не, чтоб вычистила улицы, или раби Айзику на угощение к хасидской сходке? Везде придется дать!” – вздыхая, думает богач.

Цадик раби Айзик человек состоятельный. “Сам магнат, а хасидов своих учит находить отраду в бедности!”, – шипят божинские хасидоборцы. “Завистники! Не хотят знать, что не наслаждения ради, а дабы достойно представить небеса на земле окружает себя красотой божий посланец!” – смеются в ответ его поборники.

Авигдор – один из любимцев Айзика. Делец щедро жертвует на общую пользу, а раби из личной мошны делает вклады в его коммерцию. Встречаясь, наставник и ученик ведут разговоры о духовном и касаются вскользь прочего и важного.

У крыльца и во дворе множество хасидов дожидаются, когда выйдет к ним цадик. Поговорит со всеми вместе, поговорит с каждым, а кого и в дом пригласит. Слуга издали заметил Авигдора, мигом скользнул в дверь, и уж через минуту вышел и машет рукой важному гостю: заходи, мол!

– Горюешь? Богу виднее... – утешил гостя цадик раби Айзик.

– Женщины затопили дом слезами, – вздохнул Авигдор.

- Глубина скорби сообразна с добродетелью умершего.
- Да, раби. Он много знал и молился много.
- Мог бы моим хасидом стать...
- Пожалуй...
- Бедная твоя Маргалит. Такого мужа потерять!
- Она слишком мало видалась с ним.
- Она не могла не гордиться им.
- Гордиться? Женщины хотят любви...
- Бог ограничил женскую природу. Любовь к учености – это любовь!
- Мы с Дворой желали для Маргалит лучшей судьбы.
- Верю. Время поможет. Она молода. Найду ей пару. Не перевелись еще ученые.
- Рано говорить об этом, раби.
- Говорить рано, а помнить нужно.
- Маргалит хваткая. Мне и прежде помогала, а теперь с головой в дела окунется.
- Отнимая, милостивый бог оставляет утешение. Младшая твоя жемчужина подросла?
- Пнина? Девица на выданье.
- И для нее найдется жених.
- Не будем о женихах, раби.
- Понимаю. О сыновьях скажи.
- Дов под твоим крылом.
- Образцовый хасид. Достоин отца.
- У Дова и к коммерции душа лежит. Спокоен за него.

Берл, младший, из головы нейдет.

– Почему твой Берл не со мной?

– Ты ведь знаешь, раби, он за Меира ухватился.

– Знаю. Да разве Меир – это цадик? Шарлатан он!

– Богу виднее, раби. Сам так говоришь.

– Мне донесли, будто Берл в некрасивом деле запутался.

Верно это, Авигдор?

– Верно. Придет беда – отворишь ворота.

3

Авигдор вернулся от раби Айзика. Он не торопился объявлять Дворе о славных делах Берла. “Два горя враз – чересчур для материнского сердца!” – думал, – “помедлю, елико возможно”.

– Горюешь? Богу виднее... – повторил Авигдор слышанные слова.

– Тяжелы мужчине женские слезы? Мы все трое плачем... – всхлипнула Двора.

– Лишь втайне плачущий печалится истинно.

– Ты не далек от правды. О чужом печаль слаба. Не наш он был.

– Отнимая, милостивый бог оставляет утешение. Маргалит молода. Утешься и ты, моя пчелка.

– А ты не забыл, милый, как нашу старшую хотел назвать

Пниной?

– Не забыл. Сказал раби Айзику, а тот просил назвать девочку Маргалит, это имя, мол, тяготеет к земле обетованной.

– Ты уступил.

– Он уверил, что вскоре родится вторая дочь, и имя ей будет Пнина.

– Так и вышло.

– Я помню, раби добавил тогда: “Поступи по моему слову, Авигдор, и будут у тебя две жемчужины дома!”

– Поблекла наша старшая жемчужина... – вздохнула Двора.

– Грешен мой язык, но не такой муж нужен был нашей Маргалит.

– Он не умел любить, лишь книги знал.

– Чрезмерная печаль – знак праздности. Поручу-ка я ей серьезное дело. Жду гостей из Берлина. Негоцианты и проповедники немецкие. Передам их на попечение Маргалит.

– Авигдор, пришла нам пора о Пнине позаботиться.

– Будем ей жениха искать, пчелка.

– Не повторяй ошибки, милый, не советуйся с цадиком, с сердцем девичьим советуйся!

– Согласен. В тонком этом деле ошибкой будет слушать раби Айзика. Не пойти ли к раби Меиру?

О чем грустит Мерав

Европа угнетала своих евреев изысканнее, нежели ее восточная имперская соседка. Два века тому назад властители стран хотели видеть своих ветхозаветных подданных равными среди равных. Так, по крайней мере, казалось самим властителям. И так же казалось многим иудеям из просвещенной касты. Они узрели рассвет новой истории, и слагали гимны во славу правителей и их начинаний, подставляли плечо, пером и словом увлекали жестоководных единоверцев. Имя им было “просвещенцы”, ибо они полагали благо народа в потеснении талмудической мудрости новым знанием.

В те времена молодые люди христианского и иудейского исповедания тянулись в Берлин из германской провинции. Большой город – большие надежды. Евреи хоть и нелюбимы и гонимы бывали, но вырывались вперед быстро и преуспевали славно. “Простоватый немец немногому успел выучиться, а наш еврейский парень уж изрядно покорпел над вязью святых листов, и вышколил ум свой, и любую науку одолеет спору!” – думал, сравнивая и гордясь, Натан, новый юный житель прусской столицы.

В успешности своей Натан не стал исключением. А вернее сказать, исключением стал. Далек позади оставил своих соплеменников. Одолевал языки, преуспел в философии, явил

талант к коммерции. Хоть неказист был и хром, но остротой ума покори́л сердце богатой невесты, женился, и дело круто пошло в гору.

Натан, начинивши голову светским знанием, полагал его той тропой, что приведет единоверцев к достойной жизни на их немецкой родине. Ум бойчее сердца. В душе берлинский просвещенец остался верен детской памяти о первом учителе торы, о веселых праздниках, о плаче по разрушенному храму и об еврейской мечте о приходе спасителя.

2

Мерав сидит у окна, выходящего в сад, глядит на голые деревья, на черные клумбы. Конец зимы, снег стоял. Грустно ей.

Отец ее слыл богатым торговцем. Иудей старых понятий. Хоть и не ретроград, но к новым веяниям ума был в подозрении. Натана, претендента на руку дочери, весьма одобрил и вольнодумством его пренебрег, ибо проникся убеждением, что юноша щедро одарен умом, и смел в делах, и сердцем надежен. Лучшего жениха не найти.

О чем грустит Мерав? Натан тому причиной? Может быть. Хотя вкус промчавшихся лет льстит пронизательности

отца. Вспомнит Мерав о давнем своем сватовстве, и потеплеет на сердце. Увидала впервые невзрачного хромого жениха и заплакала. А Натан не потерялся, да и говорит: “Слушай меня, Мерав, и не плачь. Я родился без порока. Как достиг тринадцати лет, слетел ко мне ангел и поведал, мол, назначена тебе на небесах невеста, и она – хромоножка. Я умолил его переменить судьбу, и хромоту ее передать мне, и уверил божьего посланца, что загодя, еще не узнавши свою суженую, люблю ее, голубоглазую и белокурую, и иной не хочу!” Мерав взглянет в зеркало, порадуется нетронутой годами синеве очей, оправит светлые локоны, улыбнется милой шутке.

О чем грустит Мерав? Дети сеют непокой в сердце? Пожалуй. Ицхак, первенец, двадцать два ему. Молодой холостяк. Золотая голова. Университет позади. И в святых книгах резвый, как рыба в воде. Но не любит этого. Да и верит ли? Насмешлив Ицхак. Деда уж нет в живых. От великой печали могильный камень укрыл его.

Ревекка на год Ицхака моложе. Мерав рада: брат с сестрой большие друзья. Плохо, однако, что девчонка не желает под венец. Сватали ей сына раввина. Умница, непременно и сам раввином станет, и собой пригож. Ревекка слышать не хочет. Не от того ли, что свой не по сердцу? Глубока она, а держится просто. Дети смелее отца. Натан не забыл за новым старое и родное. А Ицхаку – что родное? А Ревекке – кто свой? Как

бы веру, боже сохрани, не поменяла, не первая будет!

Время обеда. “Милое семейство рассядется за столом. Разговоры. Свобода. Права. Евреи. Вера. Хасиды. Германия”, – думает Мерав. Служанка кричит за дверью: “Стол накрыт, госпожа, все собрались!”

3

Обед прошел в молчании. Разговорились после, сидя в креслах.

– Мерав, я еду на Украину в Божин. Дела. Ревекка со мной. Поглазееет на отсталый мир. Что скажешь? – спросил Натан.

– В такую даль? Не бережешься! Да и Ревекка не любит старину, – возразила Мерав.

– Напротив, мама! Хочу понять хасидов. Ицхак сочиняет книгу о них, – сказала Ревекка.

– У нее острый глаз. Не даст наврать! – хохотнул Ицхак.

– Зачем тебе в Божин, Натан?

– Говорю же, дела, Мерав. Там партнер мой, богобоязненный еврей, хасид. Продает лес, деньги хочет у нас пристроить. Риск для него.

– Хасиду лишь цадик указ. Зачем беззаконие поважать, отец? Оно в заслугу не зачтется никому. Евреи плохи для

всех и везде. Грешат в Божине, аukaется в Берлине.

– Хасид тщится почитать своей страны закон, сын мой, да только власти тамошние не германским чета. У нас другая жизнь. Предки наши были иудеями, а мы – немцы моисеевой веры!

– Компаньон твой чужих обманывает, а ты кого? Своих и себя? Фальши боюсь, господа моисеевы немцы! – выпалила Мерав.

– Правильно, мама! – крикнула Ревекка и осеклась.

– Что правильно? – прозвучал нестройный хор.

– И я фальши боюсь! От половинчатости она! – осмелев, воскликнула девица и поймала на себе испуганные взгляды родителей и восхищенный взгляд брата.

– Споры, намеки... – вздохнула Мерав.

– Да, намеки. Намекнешь хасиду, чтоб остерегался заноситься над миром, на приход спасителя уповая, и что услышишь в ответ, отец? – спросил Ицхак.

– Не остережется. Вера побеждает страх, – ответил Натан.

– И здравомыслие заодно! – горячо добавил Ицхак.

– Не ведомо неучу, сколь много бед народу нашему ложные мессии принесли. Говорят, кто больше знает, тот больше и страдает. Допустим. Но и другое верно: незнание – негодное средство от беды.

– Хасиду цадик мессия. Истинный, не ложный!

– Есть капли от слепоты – немного больше знания, чуть меньше веры, – заметил Натан.

– Вера аппетитнее знания. Спуск манит и приятен, подъем тяжел, и не всякий горазд.

– Это и хасид говорит!

– Да понимает наоборот! – усмехнулся Ицхак.

– Сын мой, мы должны верить в мессию, спасителя нашего. Нельзя отнимать надежду. Ведь мысль о спасении от страданий происходит.

– Я смотрю на дело проще, отец.

– Нет простоты! Ты пишешь что-то о хасидах? Отлично! Поезжай в Божин вместо меня и лучше узнаешь предмет. Ревекка с тобой. Ты сочинишь, а сестра не даст соврать! – воскликнул Натан, подмигнув дочери.

– Неравноценная замена! – провозгласила Ревекка.

– Потерпишь, сестричка! – весело парировал Ицхак.

– О, Натан! Слава богу, ты подумал о своей больной ноге и обо мне заодно! – обрадовалась Мерав.

– Ицхак, завтра поговорим о делах, посвящу тебя в детали, готовься в путь.

Натан взглянул в лица детей и жены. Общее довольство. Печально. Старый отходит в сторону. Как когда-то взял на себя хромоту Мерав, нынче Натан принимает грусть ее.

Бунтарь

Хаим остановил лошадку у ворот синагоги. Подвода изрядно полегчала против той, что месяц назад отправилась в путь. Разъезжая по городам и местечкам, божинский коробейник торговал вразнос всяким мелким товаром, на какой учувил спрос. В конце зимы покупатель радуется – пасха скоро. Мальчишки принялись мучить старую конягу, а Хаим вошел во двор молельни и тут же попал в объятия множества рук. Любят Хаима за добрый нрав. В каморке у служки мужчины выпили по рюмке водки за встречу и за хороший заработок, и не стали медлить, и живо разошлись, ведь пятница сегодня, и надо в баню поспеть.

В канун субботы баня еврею – что небо птице, что река рыбе. Тело обновляется, душа воспаряет, пенная вода уносит тревоги дней. Люди сидят и лежат на лавках, нагие и неприкрашенные, и все равны меж собой, ибо оставлена в сенях одежда, неравенства бесспорная причина. Вернется человек домой из бани, и новый восторг ожидает его. Субботний стол накрыт белой скатертью, хала выглядывает из-под вышитой салфетки, волшебный запах скорой трапезы доносится из кухни.

В жарком мыльном царстве, справа от Хаима, меламед Яир яростно дерет мочалкой нескладное свое тело. А на соседней лавке хлещет себя березовым веником Пинхас, бо-

жинский портной. Меламед и портной друзья Хаиму, но не меж собой. Яир человек вспыльчивый, частенько бьет школьников – учить трудно, а сечь легко. Раз выпорол сына Пинхаса, чтоб не городил вздор, будто за убиение брата бог наказал Каина изгнанием из рая. А еще было, Яир заказал Пинхасу пошить кафтан и дал материи с избытком, а остатка не получил. Когда же пригляделся меламед к новым штанам портновского сына, узнал знакомое сукно. Потому Хаим думает, что не за Каина терпели ягодицы отрока.

2

И Хаим, и Яир, и Пинхас, и радушная братия в каморке синагогального служки, и охотники до легкого пара по пятницам – все они божинские бедняки и все хасиды раби Меира, их любимого цадика. На исходе субботы они собираются в доме наставника и внемлют его речам, и сами говорят о хорошем и добром, и рассказывают всевозможные истории, и чарка-другая распяляет говорунов. Хасиды учатся у цадика блюсти заповеди, бояться бога, любить жизнь и людей, радоваться своей доле и не роптать.

Раби Меир – потомственный цадик. Иной раз он вспоминает не без гордости, как дед его бесконечной праведностью дел земных снискал громадное влияние на небесах и даже направлял в желаемое русло течение войн меж владыками

стран, и люди считали его ясновидцем. “Минуло время великанов, – вздыхал Меир, – а наш долг – крепко верить, горячо молиться, жить просто!”

Ученики загодя готовят жилище Меира и прилежащий дом учения к встрече цадика с хасидами: моют, чистят, сметают пыль с книг. Стемнеет, и комната наполнится гомоном мужских голосов. Нельзя опоздать, ведь не зря сведущие в каббале остерегают: на переломе ночи выходят из укрытий дьяволы, принимая вид собак да ослов, и ищут поживу греху.

– Рассаживайтесь удобно, евреи! – пригласил раби Меир.

– Расселись и преклонили ухо! – торжественно ответил за всех Хаим.

– О чем сегодня речь поведешь, раби? – спросил Берл, сын божинского лесоторговца Авигдора, единственный богач за столом.

– Хасиды друг другу братья, все мы равны, и нет важных и неважных среди нас, – произнес Меир, обращаясь к Берлу.

– Разумеется, раби, – поспешил с ответом Берл.

– Братство наше мы должны лелеять, а вражду гнать из сердца, – сказал Меир и взглянул поочередно на Яира и Пинхаса, сидевших по разные стороны длинного стола.

– Не сомневайся ни в ком из нас, раби, – воскликнул верный дружбе Хаим.

– Слишком много врагов! Кабы только дьяволы в ночи! –

продолжил цадик, – так ведь хасидоборцы, бездушные талмудисты, доносят на нас властям. Своих предают. А ведь вражда с родными больше, чем с чужими! Просвещенцы немецкие еще опаснее. Насмешники и безбожники. Сторонитесь, берегитесь скверны, блюдите чистоту души, и, главное, гоните отчаяние из сердца, друзья! Ведь сатане не грехи наши нужны, он ждет, что мы откажемся очиститься от них.

Хасиды согласно закивали, выслушав краткую проповедь раби. Стали есть рыбу, халы, прочие уцелевшие атрибуты субботнего благоденствия. Меир взял миску, переложил на нее рыблю голову со своего блюда, добавил соусу, переправил посудину Берлу. Хасиды с уважением и завистью посмотрели в сторону счастливца, удостоившегося чести получить кусок с блюда цадика. Берл зарделся от гордости.

Меир весьма дорожил привязанностью Берла, отпрыска богача Авигдора. Отец и брат Берла были хасидами раби Айзика. Не часто мужчины одной семьи следуют за разными цадиками. Меир невысоко ставил Айзика, подлинным цадиком его не считал. “К богатым прилепился, подношения их любит, а ведь хасиды – это все больше простой народ, и цадик – опора беднякам”, – думал.

– Учитель! Мне нужен твой совет, – воскликнул Берл, и гости за столом наострили уши.

– Мы для того и собрались в этой горнице, чтоб ученик вопрошал, а наставник поучал, – важно произнес цадик.

– Отец настаивает, чтоб я посвятил себя торговому, либо какому иному делу. Уступив, я не смогу столь часто, как сейчас, видеть любимого раби и внимать ему, – сказал Берл, заглядывая цадику в глаза и вождедея желанного ответа.

– Непреложный долг сына почитать родителя, но основание непреложности есть разумность, – изрек Меир и обвел многозначительным взглядом честную компанию.

– Поясни, учитель.

– Разве ты нем, Берл? Разве дом учения не оттачивает ум и не развязывает язык?

– Отец твердит, мол, думай о будущем, гляди вперед, пробивай дорогу.

– Слова – слова Авигдора, а рука – рука Айзика! А ведь знает хасид: излишнее беспокойство о завтрашнем дне есть недоверие всевышнему!

– Великий грех на господу не надеяться! – зашумели хасиды.

– Родитель мой, мир праху его, цадик и сын цадика, – сказал Меир, – ставил мне в пример одного бедного лавочника. Тот как увидит, что заработанного хватит день прожить, окончит торговлю, сядет за книгу, а покупателей отправляет в лавку к соседу.

– Я, кажется, уяснил, раби.

– Слава создателю!

– Я должен восстать!

– Это твои слова!

3

Берл души не чает в своем раби, обожает веселые сходки у него, пляшет, поет, и в хоровод встает. Заслушивается хасидскими байками, и сам рассказывать горазд, и хмельному не враг, и радуется жизни, будто бедняк. Хвала цадику: научил, как убедить отца не толкать сына в болото трудов и забот.

Есть у Берла дружок, Ашер, о котором хасидскому братству не известно, и только Меир посвящен. Ашер учился в столице, веру почти забыл, стал просвещенцем, не немецким, а божинским, доморощенным. “Не удивительно, – говорил Меир, – что у отца хасидоборца вырос сын просвещенец!” Цадик весьма не одобрял это ученое семейство, но ради Берла терпел несправедливую дружбу.

Как-то случилась беда, и погиб хасид Меира. Во исполнение долга и, помогая вдове, цадик пристроил к делу взрослых ее детей. Юношу взял себе в ученики. “Пусть молится горячо и сидит над книгами, и будет ревнителем дела моего”, – резонно рассудил раби. А девушку, юную красавицу Зелду, по просьбе Берла определил в семью Ашера – в доме

как раз служанка требовалась.

Незлобивый нрав Берла многим по вкусу, а чем пленил ученого Ашера жизнерадостный хасид? Сердцу божинского просвещенца мил народный дух, и Берл – его якорь в еврействе. А еще Ашер любит друга за быстрый цепкий ум. Жаль, что невежествен хасид и не хочет знать пользы своих дарований. “Молись меньше и учись наукам мирским, дружище!” – внушает Ашер.

Берл вновь спешит за советом к раби. С глазу на глаз цадик толкует ученику: “Не сворачивай с верного пути. Университеты их гасят огонь веры в душе еврея, и отдаляется день прихода мессии, и паства у цадика редее!” Наученный Меиром, Берл воспротивился Ашеру, и тот отступился сохранения дружбы ради.

Начавший бунтовать идет далеко, и его ничто не держит, и жало принуждения не язвит. Созрело в голове ученика зерно несогласия с учителем. “Если не жена ему, хасид не глядит на женщину. Не страдает ей, ибо искуситель направит жалость на стезю греха. Увы, дьявол обладает своей частью в нашем мире!” – твердил ученикам раби Меир. И много еще в том же роде проповедовал цадик, остерегая хасидов от соблазна. “Как же не глядеть на Зелду, прелестное создание? Как не сострадать сироте?” – думал сын богача, тайно и твер-

до держась крамольного воззрения.

Чужой манящий ветер

1

Умер муж у Маргалит, старшей дочери божинского лесопромышленника Авигодора. И хоть не было любви меж супругами, и не остались сироты, и нет братьев у покойного, а все ж мысль о вдовстве горестна молодой женщине. И болит материнское сердце Дворы, и плачет вместе с сестрою младшая Пнина.

Усердные бдения над святыми книгами и рьяные моления усопшего супруга-талмудиста, мир праху его, не наполняли гордостью мятежную Маргалит, словно она нееврейская жена. А ведь отец и братья ее хасиды, и, стало быть, люди безупречно богобоязненные.

Безотчетно, но настоятельно душа Маргалит отторгала счастье, уготованное смиренной спутнице жизни. Никто не наградит за кротость, и нет резона быть кротким. Но и честь полновластно править домом и единственной в семье добытчицей поить-кормить ученого мужа не казалась синекурой. Она, пожалуй, не знала своего сердца, не то смутилась бы крамольной несхожестью с женской половиной правоверно-

го еврейства.

Не находя в браке любви, Маргалит прогоняла печаль, помогая отцу в трудах его. Авигдор не нарадовался на сметливую партнершу. Нынче он готовился встретить компаньонов из Берлина, и, дабы отвлечь молодую вдову от мрака дней, поручил дочери вести деловые переговоры с гостями – ей по силам.

2

Натан, берлинский Авигдора сотоварищ – оба извлекают благородный металл из презренной древесины – в Божин не приехал, а отправил сына Ицхака. Замена не огорчила лесоторговца, ибо он сам оказал доверие молодым рукам, а еще мелькнула неизбежная мысль отца овдовевшей дочери. Посланничество Ицхака украшала младшая незамужняя сестра его, Ревекка.

Берлинеры, как называли европейских вольнодумцев украинские хасиды, поселились в гостинице, которую держали Шимон и отпрыск его Ашер. Тот самый Ашер, который был дружен с Берлом, непутевым сыном Авигдора. “Подходящее пристанище для моих безбожных гостей, – думал благочестивый Авигдор, – непременно породнятся духом с папашей-хасидоборцем Шимоном и сынком-просвещенцем

Ашером!” Впрочем, Авигдор любил богоотступника Натана и любовь эту перенес на детей его.

Церемония знакомства гостей с хозяевами их временно-го пристанища и с семейством Авигдора доставила приятность для всех занятых в ней сторон. Одним оком наблюдая Ицхака и Маргалит в роли коммерсантов, многоопытный Авигдор со смешанными чувствами гордости и ревности отмечал компетентность выросшей смены. В Берлине Ицхак упрекал отца в потворстве восточному компаньону, норовящему обойти законы империи. Но трудно быть исключением, а идти торной тропой легко. В Божине сын Натана нашел пути примирения новых идей со старой корыстью.

3

Соглашения между Ицхаком и Маргалит были достигнуты, Авигдором одобрены, и скрепленные подписями бумаги отправились в Берлин. Ицхак проявил повышенный интерес к деловой партнерше. Когда коммерческая часть визита окончилась, он сообщил Маргалит, что главное его занятие в Божине только начинается. Ицхак не только делец, но и писатель. Еще в Германии он собирал сведения о хасидах, на Украине узнает их во плоти, и сочинит книгу о самых жизнелюбивых и преданных вере евреях.

Маргалит жадно внимала единоверцу, хотя временами он ей таковым не казался. Беглый идиш Ицхака располагал к словообилию. Они садились за стол, широко распахивали двери в комнате и упивались беседой. Ицхак делал заметки – должно быть, для будущей книги.

Маргалит увлеклась новыми идеями и, кажется, их молодым и красноречивым глашатаем – тоже. Слишком малым почетом окружена хасидская жена. Мужчины узурпировали усладу святых книг, и сидят над ними без меры ретивые талмудисты, и с готовностью доверяют женщинам добывать хлеб насущный. Уж о многом говорено меж Ицхаком и Маргалит. Он приобщается к тайнам хасидского двора, и, бог его знает, как опишет их. Она же думает, что не там родилась, а что не за того выходила – и прежде знала.

4

Дабы опробовать свои воззрения среди возможных читателей будущей книги, Ицхак собрал божинских мыслителей в гостинице Шимона и Ашера, и разгорелись споры на излюбленные евреями темы. За исключением эмансипированной Ревекки, аудитория состояла из мужчин. Начиная диспут с предмета, обожаемого всеми без исключения, Ицхак умудрился разговорить носителей полярных мнений, не склонных к общению при иных обстоятельствах.

– Господа! – уверенно начал Ицхак, – кажется, ни у кого из нас не вызывает сомнений исключительность еврейского вклада в казну человеческой мудрости. Сей факт очевиден, но причины его туманны.

– Отчего туманны? – нетерпеливо воскликнул Авигдор, – разве евреи не есть божья тягловая сила, что ведет народы к свету?

– Добавлю, отец, – заметил Берл, – цадик раби Меир, говорит, что еврей от природы умнее.

– Поверхностный вы народ, хасиды! – вставил Ашер, обращаясь к Авигдору и Берлу, – от природы все народы умом равны, и нет ничего глупее желания казаться всех умнее. А превосходству есть две причины: трудолюбие и книголюбие!

– Сын, ты лишь от малой части прав! – сердито воскликнул Шимон, – трудом неустанным мы извлекаем знания из данных богом книг. Всевышний – вот первопричина!

– Позвольте и мне слово молвить! – раздался женский голос, уязвивший целомудрие некоторых из мужчин, – вы ищите внутри то, что лежит снаружи. Не вере иудейской, но смелому вступлению во внешний мир христианский обязаны мы успехом, – произнесла Ревекка и не убоялась грозных взглядов.

– Господа, нельзя отказать в наблюдательности моей развитой сестрице. Есть перемены: народ наш не желает более оставаться добровольным затворником, – сказал Ицхак.

– Добровольный затворник? Не мы, ненавистники наши возвели стены! – заявил Авигдор.

– Раби Меир говорит, что умных теснят потому, что боются их, – поддакнул отцу Берл.

– Где стержень воззрений ваших, хасиды? – вновь рассердился хасидоборец Шимон, – соединиться с прочими – миссии избранничества изменить!

– Другие времена пришли, отец! – возразил Ашер, – в убеждены превосходства мы упрямы и оттого гонимы. Мы много поучали, пора начать учиться.

– Рад слышать голос просвещенца! – воскликнул Ицхак, – учиться наукам и полезному труду, чтоб не слышать упреков в тунеядстве. Идти, как все. Вернее, впереди на шаг.

– Спуск легок, подъем обратный невозможен! – рассмеялся Шимон, – порой упоминают достоинства недруга, чтоб свои выпятить.

– Мирские науки не полезны еврею, а простой труд глушит любовь к богу, – возразил Берл, вспомнив поучения цадика.

– Почтенный берлинец-просвещенец! Не ты ли сказал, что мы преуспели больше всех, обогащая мировую мудрость? Теперь отправляешь нас к отстающим в ученики? – кольнул Авигдор.

– Почтенный хасид! Не говори “мы”, говори “они”! – пришла на помощь брату Ревекка.

– Кто “они”? – поинтересовался Шимон.

– Берлинеры-просвещенеры и иже с ними! – воскликнул Ицхак и потрепал по плечу Ашера.

Диспут уподоблялся пикировке. Шимон демонстративно посмотрел на часы. Спорщики стали расходиться. Каждый прав и победил.

Маргалит не смела входить в мужские словопрения, но суть спора довели до нее. “Как умен Ицхак, как доказателен! Мужчина! Отчего дороги наши раньше не сошлись? Диво ли, что я увлечена? Однако просвещенец сей смеется над хасидами. А я в чьем лагере?” – думала молодая вдова. Приезд Ицхака расшевелил Божин, встревожил сердце Маргалит. Она подставляла лицо свежему ветру и дышала радостью и тревогой.

Девичники

1

Богатый лесоторговец и хасид Авигдор, уроженец и житель украинского города Божина, принимал гостей из Берлина. Его коммерческий партнер Натан, завзятый немецкий просвещенец, на Украину не поехал, а отправил сына Ицхака, дабы тот набивал руку в делах. Миссию начинающего дельца украшала сестра его Ревекка, прибывшая в Божин с

целью понять экзотическую душу местного богобоязненно-го еврейства. Несхожесть мировоззрений Авиغدора и Натана не мешала ни совместному обогащению, ни дружбе, ни обогащению дружбы хасида и просвещенца.

Авигдор обрадовался замене, ибо и сам он вверил свершение предстоящей сделки дочери своей бедняжке Маргалит, недавно лишившейся мужа. Важным поручением Авигдор думал отвлечь от горестных мыслей молодую вдову. Сметливая и предприимчивая Маргалит сама тянулась к серьезному занятию.

2

Поразмыслив, во что наряжаться в диком богомольном краю, Ревекка предпочла платья скромные и немодные. Одежда обнажает мудрость: наградой за тонкое чутье стало скорое приятельство с дочерьми Авиغدора и Дворы. “О, две жемчужины! Как славно!” – воскликнула гостья, знакомясь со старшей Маргалит и младшей Пниной. Укротив тщеславие, Ревекка держалась просто, не щеголяла образованностью и остерегалась будить зависть. Она избегала рискованных сравнений великолепного умытого Берлина с грязным сирым Божином. Если верно, что показная простота есть утонченное лицемерие, то это лучшее и благороднейшее лицемерие. Двора, всечасно озабоченная судьбою детей, весь-

ма одобрила новую дружбу дочек. Идиш устраивал всех. Ревекка привыкала к украинским вкраплениям, а божинские дамы не смущались обилием немецких слов. Родина – это язык, а язык иудеев – их родина.

– Правда, что цадики запрещают женам хасидов надевать цветную одежду, а девицам не позволяют завивать волосы? – однажды спросила Ревекка.

– Был такой раби, да не в Божине, слава богу, – ответила Двора.

– Нам повезло: отцовский цадик раби Айзик всегда говорит: “Дочери Израиля должны украшать себя!” – добавила Маргалит.

– Либерал! – вырвалось у Ревекки.

– Зато раби Меир, нашего Берла наставник, чересчур строг, – заметила Пнина.

– Вот и хорошо, Берл легкомыслен, – вздохнула Двора.

– Как-то в Берлине ехидный раввин спросил меня, отчего это царь Соломон среди тысячи жен не узрел ни одной достойной? – воскликнула Ревекка, приготовившись выказать остроумие.

– Желаящий тысячу жен не заслуживает достойной! – выпалила Маргалит и была награждена уважительными взглядами матери и сестры.

– Вот и я ответила в том же роде, – пролепетала потухшим голосом гостя.

Ревекка радовалась любопытству собеседниц и, как могла, старалась простецки описать претенциозных берлинских просвещенцев. Хозяйки дивились западной свободе и охали и завидовали втайне. Гостя же внимала свежим закоснелым придумкам хасидского житья-бытья и делилась с братом добытым знанием, ибо Ицхак не только коммерсант, но и сочинитель книги о хасидах.

3

Вечер пятницы. Горят зажженные Дворой свечи. Авигдор с сыновьями Довом и Берлом и примкнувшим Ицхаком ушли в синагогу. Дом готов к встрече субботы. Женщины ожидают возвращения мужчин.

– Позвольте-ка, молодые мои товарки, поведать вам историю нашей с Авигдором любви! – воскликнула Двора.

Нежная мечтательная Пнина и деловитая решительная Маргалит слышали и прежде любимую матушкину байку. Просвещенная рассудочная Ревекка, коей предназначался рассказ, наострила уши, ибо повесть о счастливой любви слаще меда девичьему сердцу.

– Ангелы небесные прославились меж людей прозорливо-

стью, сведя меня и Авигдора с младых ногтей наших, – начала Двора.

Ревекка уселась поудобнее, впилаась глазами в рассказчицу.

– Мой отец, мир праху его, был садовником. Девочкой я любила обихаживать грядки и деревья, что окружали дом. Авигдор, сверстник мой, ходил в хедер мимо наших ворот. Волшебная теплая сила влекла нас, детей, друг к другу. Он останавливался, глядел на меня, и я глядела на него. Разговаривали о важных пустяках, стоя по разные стороны невысокой живой ограды.

– Так запросто дружили мальчик и девочка? – удивилась Ревекка.

– Мы были малы, чтоб стесняться, и взрослые смотрели на нас, улыбаясь. Мы срезали с яблони ветки, ставили в воду, а как появятся корешки – высаживали в землю. Растили наш собственный сад.

– Растили ваш сад... – трепетно произнесла Ревекка, а Магралит с Пниной украдкой переглянулись, улыбнувшись.

– Авигдор насобирал дощечек, веток, камней – стал строить усадьбу. Определил меня хозяйкой, а сам сказал, что пойдет на делянку – лесорубами распорядиться, как у них в семье водится. Меламед пожаловался отцу Авигдора, дескать, мальчик опаздывает в хедер, а иной день совсем не

придет.

– Покарали юную парочку? – смеясь, спросила Ревекка.

– Нет! И даже встречаться не возбранили. В праздник кушней Авигдор возвел шалаш, и мы украсили его. Он рассказывал мне, зачем строят шалаши, и почему едят мацу на пасху, и зачем читают свиток Эстер на пурим.

– Такие известные вещи втолковывал?

– Я и сама все это знала, но Авигдор любил объяснять, поэтому-то я любила слушать! – сказала Двора и обвела взглядом молодую аудиторию, – мы росли вместе и хоть не говорили о любви и женитьбе, но чувствовали, к какому берегу пристанем. Отцы наши, оба хасиды, но у разных цадииков, а те меж собой не ладили.

– О, это беда! – воскликнула Ревекка, желая показать осведомленность.

– Пришел день сватовства. Наша любовь помирила двух раби.

– Да разве признаёт цадик любовь, кроме любви к богу? – спросила Ревекка.

– В книгах просвещенцев цадики лишены сердца...

– Я верю жизни, а не книгам, милая Двора!

– Настал день нашего с Авигдором счастья, и прогремело в Божине великое торжество. Дорогу от дома до синагоги устлали цветами. Белое платье, луна, звезды, кантор, клейзмеры, скрипки, флейты, плясуны – хасидская свадьба помнится навек!

Видят Маргалит и Пнина, как затуманила поволока прелестные глаза, как замер мечтательный взор бесконечно рассудительной Ревекки. Гостья стряхнула сладкое оцепенение и, чтоб не оставаться в долгу, приготовилась рассказать хозяйкам дома семейную легенду о первой встрече Натана и Мерав, родителей ее. Будто бы, увидав хромого юношу, заплакала девушка, а тот в мгновение ока покорила ее сердце. Мол, давным-давно он исполнил данную посланцу небес клятву, что на себя примет изъян невесты-хромоножки, свыше ему назначенной, и полюбит ее такую, о какой мечтал и какую видит теперь пред собой – белокурую, голубоглазую, легконогую.

Тут послышались шаги в сенях. Вернулись из синагоги мужчины. Ревекка не открыла рта, дабы Ицхак, полагавший, что самые бесполезные из смертных это люди сентиментальные, не причислил бы к таковыми и сестрицу, и она потеряла бы в глазах взыскательного брата реноме советницы.

Ссоры да брани

1

Известно всем: украинский город Божин славен своими хасидами – счастливейшими из людей. Какая тропа ведет сих

баловней судьбы к довольству? Богатый хасид вкушает любовь небес, а бедный хасид любит небеса, дарующие в радость ему благу долю.

Человек счастлив вполне, лишь памятуя о бедах. Они отменно оттеняют блаженство, и за это он им премного благодарен: ноша тяжела – передышка мила. Во исполнение закона всесветного равновесия поселились по соседству с жизнерадостными божинскими хасидами хмурые хасидоборцы из Вильно.

Лучшей участи искали на Украине неимущие, но ученые виленские евреи. И вот, налетел топор на сук. Тяжелыми, как фолианты талмуда упреками осыпали хасидоборцы головы легкомысленных соплеменников: “Суждения ваши подобны проповедям прежних обманых мессий. Те, ослепленные, торопились царить над миром, воображая, будто слабый сильного одолеет. Власти жестоко карали иудеев за неподчинение и смуту. Горе несли народу ложные его спасители, и грех великий уподобляться им. Цадики ваши алчны и невежественны, а вы творите из них кумиров и чистую нашу веру иудейскую идолопоклонством мараете!”

В Вильно жил и учил великий ментор, главный хасидоборец. Повсюду, где благоденствовали хасиды, поверенные виленского веронаставника старались вернуть заблудших овец

в стадо. Меж двумя лагерями велась война борзым пером, ядовитым языком и тяжелым кулаком. Бойкоты, доносы, клевета – ни чем не гнушались обе достойные стороны.

Пожалуй, хасиды чуть мягче, немного терпимее, малость добрее. Они искали мира, но виленский учитель неизменно отказывал в аудиенции их послам. Как-то раввин божинских хасидоборцев согласился на беседу с цадиком Айзиком и принял хасида-толстосума в убогом своем жилище.

2

– Мир тебе, ученый раби, – сказал цадик, входя в жалкое святилище.

– Мир и тебе, Айзик, и всему народу нашему, – ответил раввин.

– Аминь!

– Что привело тебя, наставник неучей?

– Избегай угловатых слов. Меж нами согласия хочу, тебе внимая.

– Кабы внимал! Не моей – божьей мудростью богатей. В книгах нет словесных углов.

– Разве хасиды к торе не прилепились?

– Боюсь, отлепились.

– Не понимаю.

– Миролобец Айзик! Нравоучительными байками ты за-

местил слово творца!

– Боже сохрани! А сказки тем хороши, что и неученому понятны. И молитвы наши страстны.

– Чересчур. К всевышнему взывая, негоже кувыркаться и вопить.

– Горячая молитва – путь к праведности для простонародья.

– Авигдор, твой покровитель, не бедняк и не простак. Вместе наживаетесь.

– Моя ученость мала, твоя – горами движет, но не к тебе, ко мне идут за божьим словом.

– Дорога вниз легка, вверх – тяжела. Потакая слабости людей, ты крадешь у меня любовь их.

– Ты колешь и упрекаешь, почтенный раби. Не хочешь мира – слушай мой упрек!

– Я чист пред богом и людьми.

– Твои ищейки донесли властям на одного из цадииков. Его заключили в крепость.

– Мы ни при чем!

– О, если б так! К счастью, мудрец был признан невиновным!

– Денежные хасиды подкупили судей!

– Наши гроши лишают тебя сна!

– Гроши? Невежеству – дары, шелка, почет, а истинная ученость прозябает в скудости.

– Зависть!

- Ничуть! Не ваши – наши гроши лишают меня сна!
- Бессонный смотрит букой и в жизни не находит радость.
- Я справедливости не нахожу.
- Ты бранишь меня обиняком и напрямик. А народ почи-тает своего цадика непогрешимым!
- Не народ, а твои хасиды-идолопоклонники!
- Стыдись! Не только цадик свят, но и сыны его немину-емо таковы.
- Неужто?
- С семенем отца святость передается сыну в миг зачатия!

Раввин засмеялся цадику в лицо, потом отвернулся к окну. Айзик, не прощаясь, вышел. “Кто заслуживает презрения, тот и боится его!” – подумал раввин. “Не жди почета и не горюй, не получив его!” – подумал цадик, утешившись по-хасидски.

3

Хасидоборческая молодежь Божина усердствовала. С барабанами и бубнами вставали ешиботники под окнами то одного, то другого цадика и гремели оглушительно, дабы хасиды не слушали и не держали еретических речей. На последние деньги скупались хасидские писания, и сжигалась скверна.

Занемог старый виленский учитель. По всей империи единомысленцы его постились и читали псалмы, молили небеса не забирать душу праведника. В праздник кущей скончался хранитель старых и зачинатель новых установлений чистой веры, преданный недруг хасидов. В траур погрузилась община божинских хасидоборцев.

В смерти великого знатока слова божьего и радетеля общего дела хасиды узрели не утрату, а избавление. Раби Айзик желал бы удержать учеников от несправедного ликования, да где там! Зато соперник его, цадик раби Меир, ободрил своих почитателей, и те затеяли веселый праздник. Три дня обжорства, пьянства, плясок, хороводов и жарких молитв.

Портной Пинхас, коробейник Хаим, меламед Яир – все хасиды раби Меира – вдохновенно распевали на все лады: “Гоненьям конец, и радость для всех – верой простой проживем без помех!” Сочинением этим весьма гордился Берл, тоже хасид раби Меира и младший сын богатого лесоторговца Авигодора.

Иссякло терпение скорбящих хасидоборцев. Вооружившись чем попало, ведомые праведным гневом, молодые ешиботники двинулись в сторону лесной поляны, где царило нечестивое веселье. И случилось нечто такое, что достойно горького сожаления и сурового осуждения.

Жестокое побоище произошло на краю леса. Ни то, ни другое воинство не признавало права противной стороны на место под солнцем. Неумелые, непривычные к схваткам, не знающие ни силы своей, ни слабости, бойцы били и калечили друг друга. Превосходящие числом хасиды одержали позорную победу. Два бездыханных тела были сброшены в овраг, а божинская тюрьма удостоилась принять арестантов в ермолках.

4

Иудей пролил иудейскую кровь! Не остановить преступление – способствовать ему. Стыдились цадики Айзик и Мир, каялся раввин божинских хасидоборцев, все еврейство Божина искало спасения в покаянных молитвах и суровых постах. Двойная мука томила душу Авигдора – сам он хасид, а зять покойный, мир праху его, – из хасидоборцев вышел.

Ицхак и сестра его Ревекка, берлинские гости Авигдора, оба неисправимые просвещенцы, дивились, ужасались и сострадали. Ицхак сочинял повесть о хасидах, и описал прискорбные события и вставил их в книгу с прибавлением собственных размышлений и предречений.

– Я полагаю, Ревекка, несогласие хасидоборцев с хасида-

ми не в том, как правильно бога любить. Сие есть война самолюбий, – изрек Ицхак.

– Сие есть погром. С обеих сторон еврейский. Слабый лютует пуще сильного! – заметила Ревекка.

– Что свой своему учинить готов! – поддержал Ицхак.

– Надеюсь, выйдет польза из вражды – переймут достоинства враг у врага, – сказала Ревекка.

Ицхак уважительно посмотрел на сестру, и что-то записал в тетрадь.

Трюк

1

Молодые немецкие просвещенцы, Ицхак и сестра его Ревекка, гостят в украинском городе Божине. Визитеров принимает хасидское семейство местного богача Авигдора: супруга, сыновья Дов и Берл, дочери Маргалит и Пнина. Берлинеры, как насмешливо прозывают правоверные евреи своих тлетворно образованных соплеменников, поселились в гостинице, принадлежащей хасидоборцу Шимону и сыну его Ашеру, вставшему на тупиковый путь просвещенчества.

Сей чудесный случай соединения хасидов, хасидоборцев и просвещенцев молчит об утопической толерантности, но

громко кричит, как для молодых да бессемейных сердечные дела перевешивают умные слова. Воистину слово отважно, а дело важно. Ближайшие события – тому порука.

2

Доселе не знала счастья недавно овдовевшая Маргалит. Почивший, мир праху его, выходец из жестоковейных виленских хасидоборцев, склонил главу пред выгодами женитьбы на дочери богатого хасида. Талмудист не нежил лаской, да и смелым делом не увлекал горячую и быструю разумом жену свою.

Маргалит хотела мужа-вожака, чтоб шел впереди, но лишь на полшага. Не мил супруг, растворившийся в святости книг. Их мужчины для мужчин сочиняли и ревниво стерегут от женщин ключи к высоким воротам. Нет в этом беды. Зачем скрывать суть, надевая на нее личину? Не нужен Маргалит сумрачный замок, из букв-кирпичей сложенный. Ни страсти, ни честолюбию не помогут темные своды.

Душно в Божине. Безотрадно. Как найти друга верного и под стать? Явился Ицхак, просвещенец этот. Намек судьбы? Спасибо отцу, по коммерческому делу свел ее с гостем. Умен берлинер, смел, тверд, обходителен и, что диво, в женщине равную себе видит. Красив собой, статен. Не наденет чер-

ный замасленный мешок-лапсердак. Одежда чистая, влитая. Пальцы костистые, живые, а не пухлые и вялые, как у того...

Ицхак в человека верит, не твердит, что всё от всевышнего, а люди – рабы его. А верит ли в бога? Этот вопрос пугает Маргалит. Он с книгами не расстаётся, но не ради милости господя, а чтоб знания с трудом слить. Он многого в жизни хочет. Это Маргалит по душе. “Я увлечена, – думает она. – Конец увлечения – печаль. Увлечение не в нашей власти, а печаль одолеть можно. Или влюбилась я? А он любит меня? Бог в помощь, и счастье придет!”

Молодежь собирается в гостинице, где поселились Ицхак и Ревекка. Ашер, молодой хозяин заведения, радушен со всеми. Божинский просвещенец слушает берлинского единомышленника вполуха. Украинец радикален меньше немца, хоть и стоят оба на одной почве.

Бдителен глаз у Маргалит. Отчего это Пнина, сестрица младшая, краснеет всякий раз, как входит Ицхак? А смотрит-то на него как! Украдкой смотрит, но Маргалит замечает. Стесняясь матери, Пнина привыкла поверять девичьи фантазии старшей сестре. А появился Ицхак – и захлопнулась раковина над маленькой жемчужиной. Только лощеного гостя видит и слышит юница. Не диво, что не разглядела, как сохнет по ней скромный Ашер. Зато от Маргалит не

укрылся сей банальный факт.

3

Лесоторговец Авигдор спокоен за будущее старшего сына Дова. Оба они хасиды раби Айзика. Младший Берл, вертопрах, примкнул к раби Меиру, другому божинскому цадику. Дов рассудителен и умерен, уж он-то не впутается в некрасивую историю, как брат его. Свою долю богомольного хасидского жара старший уступил младшему, зато усердия и корысти у Дова на двоих.

Ицхак нашел в Дове благодарного слушателя. “Нас не любят за безделье и пустопорожние гешефты, называют паразитами, – говорил просвещенец хасиду, – пора начинать трудиться, мастерить, строить. И станем, как прочие народы. Нет, лучше прочих! Не так на других, как на себя походить нужно”. Дов внимал и мотал на ус. У Ицхака разговор толковый, плотью облеченный. Рабочие руки обещает. Капитал у Дова свой. Будет дело. Но позже, и не в Божине.

Если Ицхаку пришелся по вкусу сын Авигдора, то дочерей его возлюбила Ревекка. В особенности мила ей Пнина. Младшая имела то решительное преимущество перед старшей, что не превосходила жизненным опытом образованную берлинскую девицу. Эмансипированная Ревекка поделилась

с братом идей: “Позовем к нам Пнину с ответным визитом! Она восприимчива к новому. Я внушу милой девушке наши ценности. Вернувшись, она разбудит божинских дам!” Подумавши, Ицхак одобрил замысел и добавил, что со своей стороны пригласит Дова.

4

План Ревекки вселил страх в болящую душу Маргалит. “Неужто погаснет заря, и солнце не взойдет? – мучительно думала она, – Заморочит Ицхака влюбленная девчонка. Он умен, да незрел. Вот, мы две сестры, и спайка наша благословенна, незыблема, надежна. Для преданности нет основания крепче. Нашлась сила, что вмиг размыла основание. Силе этой мешать не стану. Нельзя отчаиваться. Должна я что-нибудь нащупать, изобресть, затеять”.

Игральная кость удачи повернулась к Маргалит счастливой гранью, как ей подумалось. По уши влюбленный в Пнину, несмелый Ашер подослал друга Берла разведать, что на уме у зазнобы. Дабы не конфузить младшую жемчужину, Берл обратился к старшей, зная, что меж сестрами не бывало тайн. Вопросец брата осенил откровением вдовью головушку. “Незрячий вы народ, мужчины! – притворно сердясь, воскликнула Маргалит, – передай приятелю-просвещенцу: Пнина без ума от Ашера, и где только глаза его?” Берл по-

спешил к другу с чрезвычайной новостью.

“Теперь Ашер воспламенится, – размышляла Маргалит, – и потребует от Шимона, родителя своего, немедленно снестись с отцом моим для скорейшего сватовства. Весь город знает, что Шимон получил жирное наследство от усопшего родича. Стало быть, Ашер богат. Отец и мать не упустят славного жениха, и быть свадьбе. И не придется Пнине повидать Берлин, а Ревекка возьмет с собой меня!”

Как задумала Маргалит – так все и вышло. Пнина открылась сестре, плачет. Та утешает: “Против родительской воли не иди. Не грехи. И не горюй, глупышка! Разве Ашер плох? Уж коли судьба тебе соединиться с просвещенцем, так лучше с нашим, божинским, не с иноземным!”

Велик замысел, велико и деяние, и последствия не уступят. Вскоре после праздника пасхи Ицхак и Ревекка отправились восвояси. А с ними Дов и Маргалит. Каждый – со своим интересом.

Искупи грехи любовью

1

Кроме двух дочерей-жемчужин наградил господь богато-

го лесоторговца Авигдора и любящую жену его Двору сыновьями: старший Дов и младший Берл. Духовность хасидов города Божина, где проживает и процветает семейство, покоится на плечах двух цадигов. Авигдор и Дов – верные хасиды раби Айзика, а Берл прилепился к раби Меиру. Возмутительная самостоятельность Берла весьма огорчает отца и мать и служит им надежным объяснением сыновнего легкомыслия. “Умный живет своей головой и своим кошельком, – Авигдор говаривал Дворе, – стало быть, дармоед наш умен наполовину!”

Однажды, когда Авигдор и Двора сидели в горнице и нежно ворковали, вспоминая свою ладную юную любовь и годы супружеского благоденствия, вошла в дом немолодая и бедно одетая женщина. Робость и дерзость смешались в ее взгляде. Недоброе предчувствие кольнуло сердце Авигдора. Он знал худое и ждал развязки, и уж нельзя более скрывать от Дворы.

– Мир вам, праведные родители, – волнуясь, произнесла вошедшая.

– Мир тебе, – ответила Двора.

– Мир тебе, – повторил Авигдор, – кто такая будешь?

– Я мать, – достойно ответила женщина, и голос ее дрогнул.

– Не плачь и говори, – сухо сказал Авигдор.

– Зелда, моя дочь, в беде.

– Ты пришла за помощью? – спросила Двора.

– Я пришла за честью!

– О чем ты, бедная женщина? – вновь спросила Двора и тревожно взглянула на мужа.

– Сладкая жизнь и сладкое неведение. Берл склонил Зелду к греху!

– О, горе! – воскликнула Двора, и слезы брызнули из глаз ее.

– Обратим его в радость. У меня и у вас, благородные родители, будет внук.

– О, горе, горе...

– Вымогательство! – возмутился Авигдор.

– Сватовство! – твердо заявила женщина.

– Что это значит? – спросила Двора, побледнев.

– Берл хочет Зелду в жены, а девчонка хоть и любила дру-гого, теперь смирится!

– Наглость черни! – вскипел хасид.

– Мы не чернее вас!

– Негодное наставничество Меира! – возопил Авигдор.

– Не горячись, милый. А ты ступай, добрая женщина, мы обдумаем дело.

– Посоветуюсь с раби Айзиком. Возьми пока это... – сказал Авигдор, протягивая деньги незваной гостье. Та ушла, не взявши подаянья.

Некий хасид раби Меира, человек простой и небогатый, погиб и оставил вдову и двух детей – сына и дочь. Милосердный Меир взял сына к себе в ученики, а дочь, красавица Зелда, осталась с матерью. Как-то Берл увидал ее и влюбился. В богатом доме его друга Ашера требовалась работница, Берл порадел, и Зелду приняли в дом.

Хасидоборец Шимон, отец Ашера, воспитал сына в строгих правилах. Ашер хоть и скатился в скверну просвещенчества, но душу сберег в чистоте, робел пред женщинами и на Зелду не глядел. Раби Меир знал ветреный нрав Берла и остерегал от греха. Но не цадик, а шальная недобрая сила правила страстями молодого хасида, и он зачастил к другу в дом, и не отходил от Зелды, и любезно говорил с ней, и жадно смотрел на девицу.

Случай, и открылось Берлу, отчего горячие его взоры не проникали в холодное сердце возлюбленной. Нравился ей простой парень, портной, да и тот был к ней чрезвычайно расположен. Зелде постыло прислуживать в чужом доме, хотелось хозяйничать в своем, и ожидала она желанной перемены в судьбе. Пылкий хасид решительно восстал против посягновения на любовь. Что стоит сыну богача тайно похлопотать о рекрутчине для бедняка?

“Я уподобился царю Давиду!” – гордился содеянным Берл. Восторг прикосновения к величию помог хасиду выстоять в мрачные дни упадка духа, овладевшего потерявшей жениха Зелдой. Время играло в руку сильному. “Я покорю ее сердце, а там, глядишь, и женюсь!” – раскидывал умом честный Берл. “Лучше без любви, да один, чем многих сластолюбцев покушения...” – думала пронцательная Зелда.

Шумные застолья у раби Меира неизменно украшало доброе вино. Оно прогоняло грусть и заботы, разглаживало морщины на лбу бедняка, располагало к беседе, звало к праведности. А разве без рюмки хорошей водки задастся хоровод с песней и танцем? И мудрая хасидская сказка не расскажется и не услышится без капли хмельного. Да и что такое душа без желудка и селезенки? Нет дела богоугодной компании до угрюмых хасидоборцев, величающих собрания у цадика сборищем пьяниц и обжор. От зависти не придумано лекарство.

Жизнелюбивый Берл на совесть держался сей важной грани хасидских традиций и неизменно окрылял себя чаркой. Небесный глас подстрекал его растопить огнем горького зелья лед в душе Зелды. Вера в успех – лучшее снадобье против первых неудач. Да и у девицы сердце не каменное, и не век же противиться поклонению! Зелда не тянулась, боже

сохрани, за лихим хасидом, но иной раз уступала и соглашалась пригубить.

Умно замыслен праздник пурим: свой к своему льнет. Не устоят ни просвещенец, ни хасидоборец в жестоковыйности их и вместе с хасидом пойдут глядеть на веселый пурим-шпиль. Охочий до актерства Берл представлял Мордехая, а красавица Зелда нарядилась царицей Эстер. И читался свиток библейский, и подарки дарились друзьям и врагам, и грозили трещотки Аману, и источали сладкий запах гоменташа, и играли скрипки и флейты, и рекой лилось вино, ибо евреи пьют в этот великий день, покуда добро от зла не перестают отличать. Благодарные свидетели лицедейства без конца угощали артистов, и случилось меж Берлом и Зелдой то, что меж увенчанными славой Мордехаем и Эстер не случилось.

3

– Догадываешься, что привело меня, раби Айзик? – спросил Авигдор.

– В нашем Божине тайн нет, – ответил цадик.

– Берл любит сирую и хочет жениться. Что посоветуешь?

– Что Двора молвит?

– Пчелка говорит, мезальянс не впрок нам.

– Что не впрок-то?

– Сам не пойму. Против она.

– Мне донесли, мол, раби Меир за женитьбу стоит горой, – сказал Айзик.

– Не знаю, право, что и думать...

– От Меира умного слова не жди. Чтоб не ошибиться, поступи наоборот!

– Твой совет?

– Прост и не нов. Откупишься. “Что делалось, то и будет делаться” – Соломоновы слова!

– А чадо нерадивое?

– Не медля найти ему достойную невесту!

Берл поспешил к цадику. Раби Меир встретил своего ха-сида строго.

– Остережен и пренебрег! Мне донесли, мол, раби Айзик не хочет твоего и Зелды счастья. Не медля под венец – глупости наперекор! – воскликнул раби Меир.

– Боюсь, не вырву у отца согласия...

– Против воли родителя грех восставать!

– Как же быть мне, раби?

– Завел кашу – расхлебывай!

Авигдор вступил под низкие своды. Комната мрачна, как сама нужда. За столом сидит мать Зелды с шитьем. Гость уселся на скамью у стены. “Прости меня, бедная женщина, я был невежлив с тобой...” – пробормотал Авигдор. Мол-

чание в ответ. “Берл достоин осуждения. Мы с Дворой не менее виновны”, – продолжил. Хозяйка бледна, нема. “Желание твое неисполнимо. Мир не изменить”. На глазах женщины показались слезы. “Прошу, прими отступные, – сказал Авигдор, протягивая сверток, – здесь много денег, очень много. Это наше с Дворой покаяние”. Женщина, плача, придвинула сверток к себе. Авигдор вышел. “Что делалось, то и будет делаться”, – вспомнилось ему.

Берлин, Антверпен, Париж

1

Закончилось пребывание Ицхака и сестры его Ревекки в украинском городе Божине. Пора возвращаться домой в Берлин, дабы не злоупотреблять гостеприимством божинского делового партнера, хасида Авигдора. Гости, завязанные немецкие просвещенцы, сверх коммерческой цели имели намерение получше понять восточных соплеменников на предмет осмеяния экзотического содержимого их хасидских голов и перевоспитания носителей оных.

Просвещенцы возвращались с добычей – их сопровождали Дов и Маргалит, старшие сын и дочь Авигдора. Ицхак зазвал Дова, прельстивши его видами на открытие общего дела, а заодно надеясь свести умного парня с хасидской тропы.

Ревекка же, желая вырастить миссионерку для продвижения на восток идей женской свободы, задумала залучить в гости Пнину, младшую жемчужину Авигодора, да дела сердечные внесли корректив. Маргалит, как и сестрица ее, увлечена была Ицхаком, и проделала некий трюк, и осталась Пнина в Божине, а Маргалит отправилась в Берлин, успокаивая совесть надеждой, будто осчастливила обеих. Утешение – самообманна свойство и цель.

2

– Дорогой Дов, я хочу начать дело, и мне нужен компаньон с капиталом и головой.

– Две эти вещи вместе не встретишь часто, Ицхак. Требуется помощь?

– Нет. Я нашел сокровище, которое искал.

– Неужто?

– Побережем слова и время. Сокровище – это ты, Дов!

– Да ведь я хасид, дорогой Ицхак, я при родителе, он очерчивает мое будущее.

– Я разглядел в тебе влечение к свободе, деньгам и действию.

– Допустим. Но я возвращен по-хасидски, льну к книге и синагоге.

– В вольном краю натура раскрывается и рвет цепи воспитания.

– Вера и семья – не цепи!

– Сожалею, был резок.

– Побережем слова и время. Излагай свой план, Ицхак.

– Займемся алмазами. Драгоценные камни гранить – еврейская стихия. Откроем фабрику.

– Капитал?

– Обопремся на отцов.

– Рабочие руки?

– Наши потянут воз. Мы не чураемся полезного труда – докажем христианам.

– Докажем христианам? Слышу просвещенца речь. Их любви нам не стяжать!

– Их любви нам не стяжать? Слышу хасида речь. Мы не любви, мы равенства хотим!

– Вернемся к делу. Начинать с чего?

– Набираться знаний. Лишь выучкой блестящей алмазы заблестеть заставишь.

– В Берлине всей затее быть?

– Поначалу. Потом – Антверпен. Там наше детище и разместим.

– Мне нравится проект твой, Ицхак. Надеюсь, отец поддержит и денег даст.

– Не сомневаюсь, Дов.

Ицхак и Ревекка вернулись домой. Дов и Маргалит очутились в гостях. Как разнятся Берлин и Божин! Где нет сход-

ства, там различие бьет в газа. Ревекка с Маргалит разъезжают по чистым зеленым улицам. Гостья восторгается, и вздыхает, и ласкает тщеславие хозяйки.

Натан, отец Ицхака, был попечителем и благотворителем школы для еврейских отпрысков неимущих семей. Заведение наставляло питомцев на рабочий путь. В работе каждому свое – радость бытия или забвение его. Лучшие выпускники готовились гранить алмазы в Антверпене.

Меж компаньонами было решено: Дов управляет выделкой товара, Ицхак продает его по всей Европе. Основали фабрику. Привезли рабочих из Берлина. Дело пошло споро. Заблестели алмазы, заблестели и золотые монеты с выручки. Хасид, однако, в некотором роде разочаровал просвещенца. Дов повелел пролетариям своим неукоснительно блюсти все богом заповеданное и трижды в день творить молитву. “То ли натура пока не раскрылась, то ли цепи воспитания слишком крепки...” – размышлял Ицхак.

3

Жак – юный парижанин, сирота. Чтоб Гаврошем не стал, призрел отрока дальний родственник, лавочник. Торгаш не слыл ретивым боголюбом: в талмуд не заглядывал, библию в руки не брал, в синагоге – редкий гость. Ухватками приказ-

чика Жак овладел отменно, безбожие пристало к нему прочно, и он ни в чем хозяину не уступал.

Торгуя в Париже, Ицхак свел знакомство с наставником Жака. Да разве лавочнику по карману сверкающие камушки? Воистину, неисповедимы пути просвещенца! Не иначе, на почве неверия сошлись два мужа. Так узнал Ицхак о чересчур толковом приказчике, коего хозяин рад был сбыть. И берлинский коммерсант открыл Жаку новые горизонты, и увез в Антверпен, и определил на фабрику.

Дов объявил новичку, что отныне он зовется не Жак, а Яков, и перво-наперво надлежит ему вспомнить забытые молитвы. Сирота хоть и склонил главу пред властью силы, но сердцем остался верен духу прежнего житья-бытья. Не лебезил и просьбами покорными не докучал, лишивши владыку наслажденья сладостью благодеяний. Дов невзлюбил его: “Ненашенский, чуждый, инородный!” – думал.

Парижанин приохотился к новому делу и уверил себя, что вернейшая тропа к хозяйскому расположению вьется сквозь дебри затейливого ремесла. Протеже Ицхака быстро набирал уменье, и вот уж он один из лучших, и алмазы, им ограненные, продаются задорого, и славным барышом полнятся кошельки компаньонов. Самая тонкая работа поручается молодому мастеру, а жалование положил ему Дов половинное.

Чем важнее раб, тем крепче господина нелюбовь, и не удостоится чужак справедливости.

Хоть руководили парнем страсть к ремеслу и честолюбие мастера, а все ж похвал хотелось. В признании заслуг их истинность. Раз представился случай исключительный. Поздним вечером, последним покидая храм труда, Жак привычно огляделся – нет ли где беспорядка, и увидел, что хозяин позабыл запереть алмазы, на продажу приготовленные. Бдительный труженик собрал драгоценности в шкатулку и замкнул ее в неприступном железном шкафу.

Ранним утром, вспомнив, что не закрыл на ключ добро свое, Дов в страхе примчался на фабрику, а там все перевернуто вверх дном. Как мел, стал бледен хозяин – ночные грабители побывали здесь. Первой ласточкой явился Жак и тотчас кинулся к железному шкафу, и достал шкатулку, и, ликуя в сердце своем, подал хозяину сбереженное богатство. Дов обнял, расцеловал спасителя. “Я на коне!” – подумал Жак и возрадовался. “Я на коне!” – подумал Дов, и горечь затопила душу. “Яков, чужой и немилый, уберег мои сокровища. Исправил мой просчет, возвысился надо мною. По праву ждет награды и похвал. Как вынести такое?”

Все меньше работы хозяин поручал Жаку, все больше изъянов находил в ней. “Доколе терпеть твою нерадивость, ра-

зоритель?” – восклицал он, кипя праведным гневом. Наконец, Дов указал на дверь изумленному парижанину, а вскоре три новых мастера, богобоязненных и на полном жаловании, с успехом заменили отверженного.

– Так не поступают со своим! – сказал Ревекке Ицхак, узнавши дело Жака.

– Так не поступают и с чужим! – поддержала сестра.

– Дов – удача наша или ошибка?

– Он – урок нам. Позаботься-ка о Жаке, братец!

– Уж нашел ему место получше.

Идеал

1

“Как-то в некоем украинском городке, в субботу, шел по главной улице цадик в окружении почтительных учеников его. Раби витийствовал, а юноши подбирали перлы, сыпавшиеся из мудрых уст. Навстречу благородному кружку двигалась шумная ватага молодых местных просвещенцев с берлинским заводилой во главе. У каждого во рту папироса, а у верховода и вовсе сигара в зубах. Хасиды, казалось, хотели испепелить гневными взглядами нечестивых соплеменников, осквернителей святого дня. Острослов берлинер, желая посмеяться над цадиком, спросил, существует ли закон-

ный способ курения в субботу. Раби не полез за словом в карман и посоветовал лицемерам курить, держа огненный конец папирсы во рту. И обе компании разразились смехом. Хасиды смеялись над ответом на глупость, а просвещенцы смеялись над глупостью ответа”.

Ицхак, молодой берлинский делец и литературный дебютант, адепт доктрины просвещенчества, приостановил чтение сочиняемой им сатиры на хасидов и вопросительно оглядел слушателей. Ревекка, сестра мятежного писателя и сама радикалка в воспитании нового еврейства, внимала брату с восторгом. Лицо главы семейства Натана выражало умеренное одобрение. Мерав, мать Ицхака, умилялась таланту сына, но зубоскальство его скорее печалило, нежели веселило ее. Христианский друг Ревекки, барон Шпигель, присутствовавший на чтении и плохо знакомый с предметом, изобразил на физиономии интерес к нему. Сумятица поднялась в душе Маргалит, дочери хасида из Божина.

“Поездка на Украину в Божин просветила вас, дорогие мои Ицхак и Ревекка! – по-отцовски благосклонно заметил Натан, – какие еще курьезы вставлены в книгу?” Ободренный сочинитель вновь обратился к исписанным листам.

Много занятного открылось слушателям нарождающегося опуса. Не ладят меж собой божинские цадики раби Ме-

ир и раби Айзик, сманивают хасидов друг у друга, и изобретательны в кознях, и не чураются доношением. Известен богатый раби, который живет, как князь, и слуги, и карета, и дом роскошный у него, а хасидам своим проповедует упоение бедностью. А некий властитель дум убедил доверчивых питомцев, будто, обратившись невидимкой, запросто заходил в императорский дворец и колол владыку ножом и заставил его отменить вредный для иудеев указ. Возомнили себя хасидские наставники спасителями, и исцеляют-де они от любой болезни, и будущее предрекают. Барон Шпигель освежил ум новым знанием, но в глубине души не одобрил самообличительный пыл друзей-израильтян.

– Цель сочинителя – разбудить способных думать, – изрек Натан, потрепав сына по плечу.

– Рука писателя сжимает факел славы народа, – выпалила Ревекка.

– А извлечет ли читатель из книги то, что задумал автор? – скептически заметил барон.

– Хвала писателю, знающему, чего писать не следует, – сказала Мерав за себя и за Маргалит.

Ицхак постиг норы украинского еврейства в деловой поездке в Божин к богачу и хасиду Авиغدору. Начинающе-

го берлинского коммерсанта сопровождала сестрица его Ревекка. Местный магнат поручил старшей дочери Маргалит, недавно лишившейся мужа, вести дела с визитером. Молодая вдова не столь горевала о нелюбимом супруге, сколь терзалась душевным одиночеством, и не надеялась найти среди божинских мужчин достойного ее ума и страсти. А явись любовь – и конец одиночеству!

Хваткая Маргалит тонко провела торговые переговоры с Ицхаком. Она увлеклась изысканностью его манер, и живостью мысли, и обширностью познаний, и, ей казалось, встретила мужской идеал. Как не похож этот злой на работу честолюбивый европеец на бездельных и довольных жизнью и собой хасидов!

Ревекка возжелала пригласить в Берлин Пнину, младшую сестру Маргалит. От старшей жемчужины не укрылось, что Пнина влюбилась в Ицхака. Озабоченная собственной судьбой, вдова решительно остановила стихию и устроила так, что Пнине сосватали сохнувшего по ней юного Ашера. Отец оставил Пнину в Божине, а в Берлин поехала Маргалит.

Ицхак увлек за собой Дова, брата Маргалит и Пнины. Оба задумали начать собственное дело, а еще берлинец надеялся выхолостить хасидство из божинца. Учрежденная молодыми коммерсантами фабрика приносила отменный доход хозяе-

вам. К разочарованию Ицхака, однако, в сердце Дова не погас уголек, взятый из очага предков.

3

Ревекка задумала принять крещение и выйти замуж за барона Шпигеля. Несчастливая мать ее, Мерав, плакала и скрывала слезы от мужа. Просвещенца Натана застала врасплох крамольная метаморфоза, и он грустил и скрывал меланхолию от жены. Гостившая в их доме Маргалит не осмелилась написать в Божин о надвигающемся катаклизме.

Тяжелы были для Маргалит насмешки Ицхака над цадиками и хасидами. В Божине презирала многих, а Берлин открыл в ее сердце силу, что держит и не пускает в новый мир, и чем менее он похож на старей, тем крепче сила. “Над другими насмехаясь, за их счет себя утверждает...” – неодобрительно думала Маргалит.

Сестра обманула сестру, дабы счастье не упустить. Думала Маргалит, поедет с Ицхаком в Германию, и будет на глазах у него, и полюбится ему. “Он слеп!” – пеняла на сына Мерав и виновато глядела на пленившую ее материнское сердце гостью.

“В чужом воздухе задохнулось чувство. Или в том горе,

что не нужна ему? Полюби он меня, и пошла бы за ним, и приняла бы безверие его, и былые сокровища потускнели бы. Ведь свой он, да и я не Ревекка!” – говорила себе Маргалит.

4

Дов ехал из Антверпена в Божин навестить отца с матерью. Остановился в Берлине, забрал с собой сестру. “Пора домой возвращаться, нагостилась!” – сказала брату Маргалит.

Рассказывать и слушать – две утехи в долгом пути. Дов хвалился фабрикой, барышами, сладкой властью над людьми. Не забывал бога благодарить за удачу в делах. “Он жаден к жизни, к деньгам и к труду и верен корням своим. Идеал! Увы, он брат мне”, – размышляла Маргалит.

Прибыли в Божин к свадьбе Пнины. Сияющая счастьем невеста бросилась на шею старшей сестре: “Я полюбила Ашера, а Ицхака забыла совсем!” Сестры обнялись, прослезились чувствительно. “Зависть жжет рану, – призналась себе Маргалит, – но то утешение, что обман пошел Пнине впрок, и, стало быть, нет греха на душе”.

Свой своему

Гордостью и красотой украинского города Божина слыл хасид и лесоторговец Авигдор. Он и его возлюбленная жена Двора нажили изрядное богатство, а еще породили двух сыновей и двух дочерей. Дети выросли и, преемствуя родительские истины, чинили отцу с матерью то беды, то радости.

Старшая дочь Маргалит, молодая вдова, увлеклась берлинским просвещенцем Ицхаком, гостила в его семье в Германии и вернулась на родину разочарованная. Пнина, младшая авигдорова жемчужина, вышла замуж за Ашера, наследника большого состояния. И уж первый плод взаимной любви шевелился во чреве юной супруги.

Младший сын Берл, коего хасидская ретивость обязывала к благочестию, посадил черную кляксу на незапятнанный лист семейной хроники, лишив невинности некую бедную девицу. Зато старший сын Дов, хасид не менее рьяный, чем брат его, основал в Антверпене алмазную фабрику на паях с Ицхаком, и преуспел в коммерции, и веру отцов сохранил на чужбине, и, не сходя с праведного пути, достиг солидных барышей.

Пришло время, и накатила на божинских иудеев всесо-

крушающая волна чувств простого народа великой империи и владык ее. Вот собираются в питейном заведении миряне, обиженные иноверцами в ермолках. Чарки одну за другой лихо опорожняя, наполняют христианскую душу решимостью вырвать из православной земли злокозненный корень – неизбывную причину бед и непреуспевания державы.

Пробиваются голоса сквозь смрад и табачный дым.

– Пора, братцы, бить да громить евреев!

– Своих бы не потревожить с пьяных-то глаз!

– У наших – занавески в окнах, а у евреев – стекла закопченные.

– Не местный, что ли?

– Мы из северных краев, с живинкой, с огоньком!

– Что до огня, так и без вас душа горит, а помощь примем.

– Есть дома, где просвещенные живут, без пейсов и бород.

У них чисто, хоть и бедно.

– А которые из местечек, те вовсе нищета – ни богу свечка, ни черту кочерга.

– От голытьбы какая пожива? Только девки и бабы!

– Мало разве?

– В богатых домах золотишко припрятано, есть мебели, посуда, одёжа, амбары ломаются.

– Добро их у нас украдено!

– Точно! Вернем свое, ребята!

Живут в Божине и хасиды, и хасидоборцы, и просвещенцы. И все антагонисты яростные. Говорят, вражда меж близкими непримирима, а пришла общая беда, и оставили уособицу до лучших времен. Вместе плачут и вместе убиенных хоронят. “Свой своему, свой своему...” – без усталости напоминают сами себе божинские евреи.

Ашер и Пнина после свадьбы поселились в доме Авигдора. Крепок забор, тяжелы засовы, глубокий подпол, велика надежда уцелеть. Ашер просвещенец и думает широко. “Разве звери они? Обманутые, несчастные!” Он вышел из ворот, книгу держит над головой. “Братья, остановите бесчинство! Светочи мысли взывают к нам: гуманностью уподобимся творцу!” Да кто ж стерпит еврея-краснобая? Окружили Ашера братья, повалили наземь, били коваными сапогами, покуда дух не испустил.

3

Европа осудила восточного соседа. Барон Шпигель, супруг новообращенной христианки Ревекки, принял на себя благодарную миссию – цивилизовать варварские края. Не в Божин, но в Северную Пальмиру направил он стопы свои. Столичный царедворец успокоил встревоженную совесть барона: мол, лучшие правительственные умы понимают, не го-

же евреев чересчур теснить, а лучше добавить им чуток свобод, дабы польза вышла империи.

Благополучные немецкие иудеи, разбуженные просвещенцами Натаном и сыном его Ицхаком, сделали чрезвычайный сбор и переправили деньги несчастным соплеменникам, избитым и ограбленным на пиршестве патриотического духа.

Дов, удачный сын Авигодора, взывал к отцу с матерью, к сестрам и брату, умоляя бежать из проклятого Божина и переселиться к нему в тихий Антверпен. Да разве легко подняться, да и как решиться? Бросить, продать, забыть?

4

“Плачь, плачь, пчелка моя... Как тяжело на сердце... Две дочери, две жемчужины, две вдовы молодые...” – говорит жене Авигдор. “Не покинем Божин. Здесь любовь наша родилась, здесь и умрет она вместе с нами...” – невпопад отвечает Двора.

Во дворе синагоги толпятся люди. Мужчины, женщины, дети. Горестные лица. Берл пустился в пляс. “Остановись, негодник!” – закричал Авигдор сыну. “Цадик учит, весельем хасид отвратит беду!” – возразил танцор. “Довольно, Берл!

Случилась уж беда!” – зароптали вокруг.

Шимон, единственного сына потерявший, не совладал с горем, и уж не хасидоборец он более. Глаза блестят лихорадочно, опирается на руку раввина.

– Ашер, Ашер! Не вижу моего Ашера в толпе!

– Молчи, Шимон. Он на небесах, ему лучше, чем нам.

– Как много стариков здесь собралось...

– Это дети, Шимон. Смотри: юные розовые лица.

– Нет! Увядавшие, серые, в морщинах.

– Старики в другой стороне, Шимон.

– Ты опять ошибся, раби. Там усопшие. Застыли, бледны как мел.

– Да ведь они живые!

– Покойники они! В чистом младенца сердце зародыш злобы будущей, а тело молодое, упругое – дряхлости вместилище. Плетущийся к могиле старец мертв давно. Конец вещей в начале их. Я сквозь время вижу.

– Лишь молитва, Шимон, исцелит больную душу.

– Это Ашер! Он улыбнулся мне с небес, позвал к себе.

Будем молиться, раби.

Обложка оформлена автором с использованием стандартных средств Word.